

санный Н. Хакимовым» (стр. 186—211); комментированный перевод отрывка из трактата Алишера Навои «Мизан ал-авзан» в статье И. В. Стеблевой «О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии» (стр. 218—230); описание Л. Ю. Тугушевой поэтических памятников древних уйгуров (стр. 235—253). В связи с отчетом С. Г. Кляшторного об итогах полевых исследований 1968—1969 г. в Монголии (стр. 254—264) следует всецело поддержать инициативу его автора о необходимости критического издания «Корпуса древнетюркских надписей». Здесь же впервые публикуются рунические надписи на зеркале из Верхнего Прииртышья и на монете из Монголии (стр. 306—315 и 334—338). Столь же насыщен материалами, впервые вводимыми в научный оборот, раздел «Этнография, история» (стр. 254—395).

Сборник завершают список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем (составила Н. А. Дулина, стр. 396—402)⁶, а также хроника «Третья тюркологическая конференция» (В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева, стр. 403—412).

⁶ Как любезно сообщил нам Ф. Д. Ашнин, список следовало бы дополнить важным комментарием П. М. Мелиоранского к публикации В. В. Бартольда «Древнетюркские надписи и арабские источники», где речь шла о генезисе тюркского презенса на *-ur*, *-ür*, *-ыр*, *-ip*, *-р* < *-ар*, *-äp*? (см.: В. В. Бартольд, Соч., V, М., 1968, стр. 287—288).

Представляется необходимым снабжать каждый сборник смешанного содержания сводными индексами лексем (а по возможности — и морфем), анализируемых на его страницах. Иногда к этим указаниям, помогающим быстро найти слово, способное заинтересовать читателя, можно было бы присовокупить краткий квалифицированный комментарий, этимологическую справку, выполненные на уровне современной науки и призванные согласовывать между собой сведения об этих словах, сообщаемые разными авторами. К примеру, на стр. 179 рецензируемого сборника исторический антропоним *Идиге* (*Идику*, *Идүгү*) «Едитей» объясняется как связанный с монг. *идуг* «сапог», а на стр. 188 воспроизводится другая форма этого же имени *Идюкю* — предположительно из карахандско-кашгарского *эдгю*, *идгю* «добрый, хороший».

«Тюркологический сборник. 1972» — достойный вклад в изучение научного творчества замечательного русского тюрколога П. М. Мелиоранского. Хотелось бы надеяться на то, что издание подобных мемориальных сборников или коллективных трудов типа *Festschrift*, посвящаемых выдающимся деятелям тюркологии, станет ежегодной традицией. Нет сомнения в том, что дающие основные материалы для «Тюркологических сборников» конференции тюркологов в Ленинграде будут и впредь способствовать прогрессу этой отрасли советской науки.

Т. М. Гарипов

В. Т. Коломиец. Развитие лексики слов'янских языков в послевоенный период. — Київ, «Наукова думка», 1973, 304 стр.

Изменения, происшедшие в лексике и словообразовании славянских языков за послевоенный период, нашли свое отражение преимущественно в работах частного характера. До последнего времени не было обобщающего исследования, посвященного вопросу развития лексики славянских языков в послевоенный период. С появлением книги В. Т. Коломиец «Развитие лексики славянских языков в послевоенный период» восполняется этот значительный пробел. Лексика и словообразование изучаемого периода далеко не для всех из современных славянских языков исследованы с надлежащей полнотой; общая картина языкового развития освещена недостаточно равномерно. Вполне понятны трудности, которые возникали перед исследователем этой сложной и важной проблемы.

Автор монографии ставит перед собой цель проследить развитие лексики и словообразования в восьми славянских язы-

ках за последние 25 лет. Помимо ценности подобных исследований для описательного и типологического сопоставительного изучения славянских языков, не вызывает сомнения также их важность для решения одного из кардинальных вопросов общего языкознания — о характере и причинах языковых изменений. Вместе с тем, поскольку объектом исследования является наиболее подвижный и чувствительный ярус языковой структуры — лексика, в славянских языках тесно связанный со словообразованием, это дает возможность частичного освещения другого важного вопроса — о влиянии изменений в обществе на изменения в лексике и — опосредствованно — в грамматике как одного из проявлений более широкой проблемы взаимосвязи языка и общества. Выбор периода, освещаемого в исследовании, дает возможность максимально достоверно воспринимать факты. Этот выбор интересен

и тем, что вхождение именно в это время западно- и южнославянских народов в мировую социалистическую систему обусловило целый ряд аналогичных или близких социальных преобразований в соответствующих странах, нашедших свое отражение в лексике.

В главе «Теоретические основы исследования» (стр. 3—42) автор рассматривает, в частности, задачу изучения лексико-семантических изменений в современных славянских языках и освещает вопрос о понятии неологизма, отдавая предпочтение сугубо хронологическому критерию при его определении. Считая идеальным проведение сопоставительного исследования послевоенных изменений лексики во всех двенадцати современных славянских языках, автор обосновывает свой выбор восьми из них (русского, украинского, белорусского, польского, чешского, словацкого, болгарского и сербскохорватского) и отказ от обследования остальных четырех (верхнелужицкого, нижнелужицкого, словенского и македонского) меньшей распространенностью последних и связанной с этим меньшей их освещенностью в предшествующих исследованиях. Разделяя соображения автора о целесообразности подобного ограничения, нельзя тем не менее вполне согласиться с некоторыми моментами ее аргументации (стр. 8—9). В частности, представляются излишними оправдания в отсутствии среди обследуемых македонского языка, поскольку он получил статус литературного лишь в конце второй мировой войны и не представляет материала для выявления в нем неологизмов — он сам является своего рода послевоенным «неологизмом» на лингвистической карте славянских языков и оказывается за рамками исследования. При наличии подобной оговорки, возможно, было бы весьма интересным, как полагает и автор, специальное исследование послевоенных изменений в области лексики, семантики и словообразования серболужицких и словенского языков. Эти языки характеризуются одинаковыми исходными моментами развития (приблизительно одно время появления первых памятников — в основном с XVI в., связь с Реформацией, сильное немецкое влияние). Дальнейшие расхождения были связаны в значительной мере с внешнелингвистическими факторами. Вместе с тем нет оснований противопоставлять эти три языка остальным современным славянским языкам. Последнее в большей мере допустимо по отношению к серболужицким языкам (особенно нижнелужицкому), испытывающим, как ни один из современных славянских языков, воздействие интерференции. Словенский же язык, несмотря на относительно небольшое число говорящих на нем (несколько больше 1 млн.), является весьма развитым и имеет разнообразные функции.

Большое место в той же главе отведено вопросу о состоянии освещения послевоенных изменений в лексике рассматриваемых славянских языков. Здесь наряду с исчерпывающим списком соответствующих работ дается их критический обзор.

Автор убедительно обосновывает в качестве основного метода собирание материалов не непосредственно по первоисточникам, а из работ исследователей, родными языками которых являются соответствующие славянские языки (стр. 37—39). Исключение делается только для двух славянских языков (белорусского и сербскохорватского), где число соответствующих исследований невелико.

Наиболее сложной и богатой по содержанию является глава «Послевоенные изменения в составе лексики славянских языков» (стр. 43—236), на которую приходится около двух третей объема книги. Здесь рассматриваются следующие вопросы: 1) соотношение процессов отмирания и возникновения слов в современных славянских литературных языках; 2) категории отмирающей лексики в славянских литературных языках послевоенного периода; 3) лексические неологизмы неспециальной семантики в славянских литературных языках; 4) лексические неологизмы специальной семантики в славянских литературных языках; 5) рост употребительности отдельных категорий существующих слов. Глава отличается чрезвычайным богатством и разнородностью собранных и в основном убедительно и глубоко истолкованных фактов. Особую ценность в этой интерпретации представляют цифровые данные, показывающие как количество зафиксированных по отдельным славянским языкам примеров той или иной группы лексических неологизмов, так и их долю среди неологизмов в процентах. Эти данные позволяют со всей доступной точностью представить динамику формирования отдельных групп лексики в целом и специфику их развития в отдельных славянских языках.

Очень интересен, в частности, раздел о категориях отмирающей лексики в славянских литературных языках, где прослеживаются причины отмирания лексики и намечаются разные ее группы в литературных славянских языках изучаемого периода. Автор убедительно показывает явный перевес процесса новообразования в лексике славянских литературных языков над процессом выпадения устаревших слов, приводящий к неуклонному обогащению лексики. Это утверждение вполне обоснованно для рассматриваемых языков в данный период, как и вообще для литературных языков, развитие которых идет по восходящей линии. В теоретическом же отношении важно иметь в виду и возможность противоположно-

го случая, когда в силу действия экстралингвистических факторов происходит деструкция, упадок, постепенное «иссыкание» в прошлом нередко даже высокоразвитых и влиятельных языков, их функциональное нисхождение вплоть до роли более или менее обособленной и расчлененной группы диалектов (нижненемецкий, фризский среди германских языков; провансальский и фриульский — иначе ретороманский в Италии — среди романских; по-видимому, в известной мере сопоставимый с ними среди славянских языков выделяемый сугубо лингвистически поморский, известный в двух близких разновидностях — кашубской и словинской, и — менее надежно — полабский как реликтовый осколок возможного в прошлом наддиалектного языка западнолехитского племенного союза). Большое количество интересных наблюдений находим в подразделе о неологизмах абстрактной семантики (раздел о неологизмах неспециальной семантики), а также в разделе, посвященном лексическим неологизмам специальной семантики.

По поводу других мест главы можно сделать только несколько частных замечаний.

Стр. 50. Так, вряд ли в число слов, вышедших из употребления в украинском языке, есть основание вводить слово *малорос*, реальное существование которого в украинском языке дореволюционного периода весьма сомнительно (ср. в связи с этим, в частности, свидетельство двух наиболее полных и авторитетных дореволюционных словарей украинского языка — «Словаря української мови» Б. Гринченко и «Малорусско-німецького словаря» Е. Желеховского; ни один из них этого слова не фиксирует). Очевидно, данное слово проникло в словарь украинского языка как заимствование из русского языка (от русского *малорос*) уже после революции и, таким образом, представляет собой в современном украинском языке своеобразный экзотизм, отражающий действительность дореволюционной России, в частности, бытовавшие в официальном употреблении этнонимы.

Стр. 53. Слово *освітянин* «работник народного образования» (от укр. *освіта* «образование, просвещение»), которое автор считает в настоящее время вышедшим из употребления в украинском языке архаизмом, именно в последние годы вновь приобрело права гражданства среди учителей на Украине (ср., в частности, его довольно частое употребление на страницах органа Министерства просвещения УССР «Радянська освіта»).

В связи со случаями возможных значительных расхождений во времени реального появления в литературном языке и фиксации в языковедческих работах, видимо, следует не вполне согласиться

также с исследовательницей в более общем вопросе, а именно, в ее, по нашему мнению, слишком резком противопоставлении неологизмов и архаизмов (стр. 45—46): появление первых она рассматривает как «прыжок из небытия... к наличию» в противоположность постепенному отрицанию архаизмов. Видимо, сравнение это, вполне уместное в отношении появления большинства новейших терминов (но не вхождения их в общенародный язык), требует серьезных оговорок в отношении неологизмов неспециальной семантики, для которых характерно часто более постепенное вхождение в литературный язык. Возможно, принятие этой оговорки могло бы частично объяснить, например, отмечаемое в книге «отставание» русского языка от польского в количестве неспециальных неологизмов абстрактной семантики (374 при 449 в польском языке), вызванное, вероятно, более строгим нормализаторским отсеком реально существующих в разговорном варианте русского литературного языка неологизмов, чем это имеет место в польском языке.

В главе «Основные тенденции развития словообразования славянских языков в послевоенный период» (стр. 237—300) в двух основных разделах рассматриваются следующие вопросы: 1) источники пополнения лексики современных славянских языков; 2) собственные образования славянских языков послевоенного периода (самостоятельных и калькированных). Глава характеризуется богатством привлеченных языковых фактов, преимущественно правильно оцененных с точки зрения хронологии и хорошо систематизированных. Внимательный анализ языковых данных, обильно представленных по всем выделяемым словообразовательным группам, позволяет автору, как и в предшествующей главе, прийти к целому ряду интересных обобщений и выводов, ценных в теоретическом отношении. В частности, это касается раздела об источниках пополнения лексики современных славянских языков, где рассматриваются такие пути пополнения лексики, как заимствование, калькирование, словообразование с помощью заимствованных основ и аффиксов и собственных словообразовательных средств. Много ценных наблюдений и мыслей находим в разделе, посвященном собственным образованиям славянских языков (ср., в частности, интересный вывод о большей по сравнению с сербскохорватским и западнославянскими языками роли словосложения в болгарском и восточнославянских языках, о значении аффиксального словообразования в западнославянских языках и т. д.). Важное значение в главе имеет, в частности, убедительно аргументированная мысль о сохранении славянскими языками значительной степени общности в словообразовании, восходящей в конечном счете

к тенденциям, унаследованным от праславянского периода, а также отмечаемые случаи продуктивности части именных суффиксов (в особенности в терминологическом словообразовании), нередко совпадающих в славянских языках, при ограничении продуктивности остальных. Интересно наблюдение над ограниченным числом новых суффиксов, которые все возникли на основе заимствований.

Теоретические положения автора, серьезно продуманные и мотивированные, и приводимый фактический материал в большинстве случаев, как и в предшествующих главах, возражений не вызывают. По поводу их следует высказать лишь несколько критических замечаний, в основном не затрагивающих главных положений автора.

В частности, нельзя согласиться с категоричностью утверждения о том, что кальки вполне совпадают с собственными образованиями и полностью отражают распространенные наиболее продуктивные словообразовательные модели (стр. 238), тем более, что приводимый фактический материал и выводы автора вступают в известное противоречие с этим положением, явно требующим оговорки. Как показывают многочисленные факты из истории различных языков, в том числе содержащиеся в книге и правильно интерпретируемые автором (ср. мысль о развитии и распространении сложных слов в болгарском и восточнославянских языках под влиянием греческого), ориентация на особенности словообразования калькируемого языка может способствовать в калькирующем языке развитию продуктивности словообразовательных тенденций, вообще для него нетипичных.

В отношении продуктивности словообразования в восточнославянских и болгарском языках по сравнению с его меньшей популярностью в западнославянских и сербскохорватском следует принимать во внимание не только положительный фактор греческого влияния на первые (при большей слабости его в отношении вторых) (стр. 260), но и менее отрицательное отношение носителей первых к немецким словообразовательным моделям, в частности, к продуктивным

в немецком языке сложным словам. Это способствовало более свободному проникновению калек немецких сложных слов (и вообще сложных слов) в восточнославянские языки и болгарский язык.

Стр. 239. Белорусское *айталаўка* «автолавка» является не калькой, а заимствованием из русского языка; белорусск. *лаўка* имеет значение «скамейка», а понятие «лавка» передается белорусск. *крама* (следовательно, в случае калькирования должно было бы возникнуть слово «аўтакрама»).

Стр. 240. Укр. *різноробочий* «разноробочий», очевидно, является не калькой, а полукалькой (частично калькируемым заимствованием); ср. русск. *рабочий*, укр. *робітник*, редко (как сущ.) *робочий* — хотя в роли прилагательного укр. *робочий* вполне нормативно (ср.: *робочі руки* «рабочие руки»). Несомненной калькой в данном случае является *різнороб* (русск. *разнорабочий*), образованное по образцу уже имевшихся украинских образований, — ср. *чорнороб* (русск. *чернорабочий*), *хлібороб* (русск. *хлебопашец*), а также заимствованное из украинского и частично калькированное *хлебороб*.

Стр. 243. Русск. *апартеид* — слово не английского происхождения, а заимствование (очевидно, через английский язык) из языка африкаанс (бурского), распространенного в Южно-Африканской Республике (ср. афр. *apartheid*). Своей формой в русском языке оно обязано, по всей видимости, ошибке (ср. его правильную русскую передачу *апартаейд*, получившую меньшее распространение).

Отмеченные места, представляющиеся спорными, менее удачными либо требующими уточнений, занимают в книге весьма небольшое место. Не затрагивая, как правило, основных теоретических положений автора, высказанные критические замечания не могут существенно повлиять на общую высокую оценку рецензируемой книги, которая во многом опережает аналогичные работы в отдельных славянских языках и служит стимулом для дальнейших разысканий в соответствующих областях славянского языкознания.

О. Б. Ткаченко

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

В Амстердаме вышел в свет первый номер журнала «*Historiographia linguistica*». Новый журнал ставит своей задачей обсуждение различных вопросов, связанных с историей развития лингвистической мысли. Предполагаемая периодичность издания — три выпуска в год. Каждый выпуск должен включать в себя не менее трех статей и одного критиче-

ского обзора, аннотированную библиографию по специальной теме, а также ряд рецензий. В состав редакционной коллегии входят ученые из различных стран; главный редактор журнала — известный лингвист-историограф Э. Кёрнер. В качестве рабочих языков приняты английский, немецкий и французский.

Первый выпуск посвящен памяти ос-